

БЕСЦЕННЫЙ ДАР

Одному из любимых писателей советской молодежи В. А. КАВЕРИНУ — 80 лет

2207

20 APR 1982

Новосибирская правда
г. Москва

ЕСТЬ писатели без родословной. Вениамин Александрович Каверин свою родословную знает. Первые шаги Каверина поддержал Горький. Горький ходил по дорожкам Гаспры вместе с Толстым. Горький дружил с Чеховым. Есть нити, которые тянутся от Каверина к нам, а его связывают со всем материком русской литературы. Впрочем, не только русской, если иметь в виду воздействие на него Диккенса или Гофмана. Он сам много писал о литературе и осознал культурную преемственность как высшее дело.

Каверин — современник, автор нового романа, который можно прочесть во вчерашнем номере журнала, и Каверин — явление шести десятилетий нашей литературной истории. В 1922 году он опубликовал свой первый рассказ. Каждое последующее десятилетие могло бы стать предметом особого разбора для историка литературы в том отношении, какое место занимает в советской литературе Каверин. Но есть простая проверка значения писателя в широкой среде читателей. Спросите у любого, Каверин — автор чего? И скажут: «Двух капитанов». Это книга редкой судьбы. И как бы долго, к нашей радости, ни прожил ее автор, можно смело сказать, что она на несколько жизней его переживет. «Двух капитанов» по названию знают, как «Тома Сойера», как «Трех мушкетеров», — прежде даже, чем запомнят имя автора.

Каверина иногда причисляют к авторам детской и юношеской литературы, что справедливо лишь отчасти, хотя в последнее время он пишет сказки, написав даже повесть-сказку «Вердиюка». Я бы сказал иначе: у Каверина — юношеская литература для взрослых или взрослая литература для юношей. «Юношество» — не возрастное ограничение, не адрес книги, а ее существо, вернее же, существо души писателя. Каверин по внутреннему возрасту, каким бы зрелым и мудрым ни было его мастерство, кажется мне молодым человеком.

Недавно я взял с полки своего сына книгу «Два капитана», открыл и зачитался. Действие разворачивается, как пружина. Короткие заманивающие главки, в каждой из которых обещаны новый поворот жизни, какое-то событие, какие-то загадки. Искуснейшая постройка! В первом же абзаце завязка: почтовая сумка с размокшими письмами и утонувший почтальон. Письма эти, зацепившие тайное наше

любопытство, появляются вновь где-то ближе к середине книги и поведут сюжет. А тем временем действие стремительно раскручивается, захватывая по дороге новых лиц, так что невозможно отложить книгу в сторону...

Каверин — романтик по душевному складу. Но его юношеская романтика, я думаю, ничего не имеет общего с помпезным романтизмом. Каверин сам живет, как юноша, в своих книгах, живет ожиданием, надеждой, манящей загадкой и чувством чести.

Герой «Двух капитанов» Сани Григорьев всю жизнь посвятил восстановлению имени капитана Татаринова, замечательного путешественника, имя которого не осталось ни на одной географической карте из-за подлости, из-за недоброжелательства, из-за незнания его открытия. Сюжет романа и строится на страстном желании Сани Григорьева дойти до этой истины, восстановить это имя. Возвращение попорченной справедливости, доброго имени человека — вот высший подвиг, какой признает каверинская романтика. И если романтика может в каких-то случаях быть способом введения от правды, то может быть и средством прихода к ней.

Каверин — мастер построения сюжета. Стремясь к очерковости, точной картине нравов или быта, литература временами брезговала сюжетом, как чем-то не до конца правдивым и как бы искусственным. Только большим талантом удавалось сохранить занимательность событий, не пожертвовав характерами, бытом, и сделать движение сюжета острейшим инструментом изучения жизни. Между тем очерковое жизнеподобие, искушающее как бы полным приближением к правде, в какой-то момент прискучивает, становится пресным. И для открытия нового художественного горизонта неизбежно обращение к сюжету, фантастике и гротеску. За последние два десятилетия у нас возродилась и расцвела прекрасная, достовернейшая очерковая проза. Но как важно, что одновременно в литературе удержал свою силу и принципы такой мастер, как Каве-

рин, — с его любовью к сюжету и умением вести его!

Обычно сюжет Каверина — разгадка тайны, восстановление забытой судьбы. И это легко захватывает эмоции читателя, будь то судьба научного открытия, или тайна пропавшей экспедиции, или тайна сожженной главы «Евгения Онегина», все это берет воображение и заставляет внимательно вслушиваться в сказанное писателем. Для Каверина сюжет не внешнее средство, конечно. Это выражение движения жизни, ее незаостановленности, вера в дикие, в нем есть, в его натуре. Желание услышать о чем-то хорошем и обрадоваться ему.

Думать о Каверине-писателе, зная его как человека, и не сказать об этом несколько слов — немисливо. Ибо автор «Двух капитанов», «Открытой книги» и «Двойного портрета», как личность, заслуживает, на мой взгляд, самого пристального внимания. Я подумал однажды: почему ему так идет его литературное имя «Каверин»? В конце концов, даже из пушкинских пор можно было заимствовать и какое-нибудь иное имя? У всех на памяти строки «Евгения Онегина»: «...К Талоп помчался: он уверен, что там уж ждет его Каверин. Вошел: и пробка в потолок...» Каверин у Пушкина — гусар, гуляка, в ментике и с кубком в руках. Ну что общего, скажете вы, с почтеннейшим Вениамином Александровичем? Я утверждаю, что и сейчас, после шестидесятилетней проверки опытом литературы и жизни, петроградский юноша-студент выбрал это имя необыкновенно удачно. Нашего Каверина легко вообразить в послепушкинском товариществе Пушкина рядом с Кюхлей, Дельвигом. Он свободно и просто бы чувствовал себя среди них.

Каверин истово увлечен своей работой, исповедует веселый культ писательского труда, и в самом движении его быстрого пера по бумаге — для него и главная опора жизни, и лучшая награда художнику в его восьмидесяти день рождения.

В. ЛАКШИН